

Победившие в своём упрямстве. Старообрядческий феномен уральских (яицких) казаков.

«Мудрые затворники, ещё во времена оны, былём поросшие, говаривали — казаки есть соль и мёд земли православной, её рыцари и защитники, боголюбивые воины»

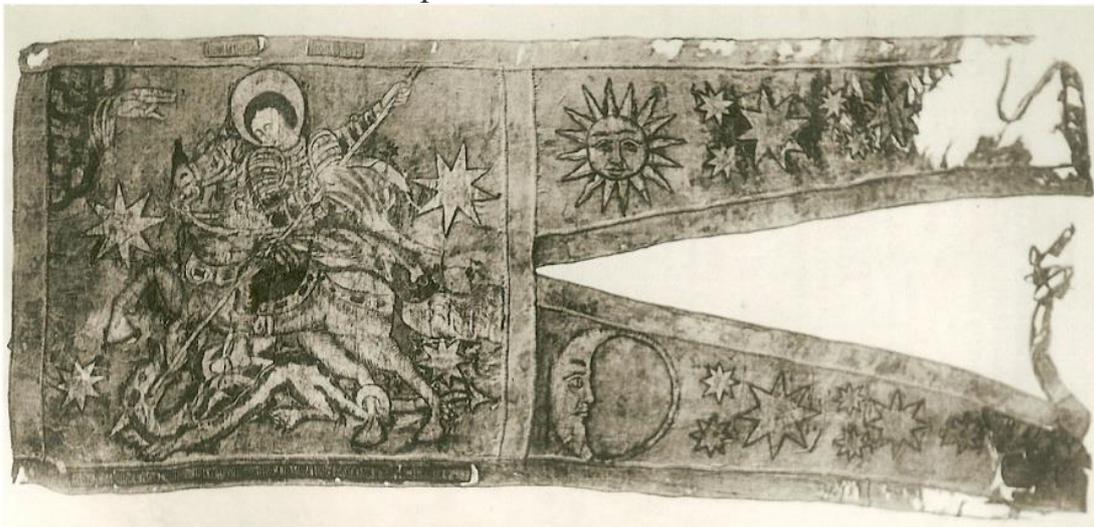
Из книги яицкого казака А. Ялфимова «Живите братцы, пока Москва не знает»

Вольные общины казаков образовались на реке **Яик** ещё в **XIV—XV** веках. Богатая осетровыми породами река Урал (до **1775** г. — **Яик**) — «Яикушка-Золотое доньшко» давала царской России богатый улов красной рыбы и чёрной икры. Уральское рыбное хозяйство считалось передовым в России и было многократно описано в художественной литературе — **В. И. Далем, В. Г. Короленко, К. Фединым, уральцами И. И. Железновым и Н. Ф. Савичевым.**

Другими занятиями уральцев были коневодство на степных хуторах и охота. Земледелие было развито слабо, средний надел на семью составлял 22 га, значительная часть земель из-за непригодности и отдалённости не использовалась. Кроме охоты и рыболовства немаловажным занятием яицких казаков являлась торговля со среднерусскими городами и среднеазиатскими купцами — Яицкий городок лежал на древнем караванном пути.

Со второй половины **XVI** века царское правительство стало привлекать яицких казаков для охраны юго-восточных границ. В **конце XVI** в. войско географически являлось самым дальним русским форпостом — оно закрывало собой Каспийские ворота от набегов кочевников из Средней Азии в Нижнее Поволжье.

Защитники Родины

Уральское казачье войско участвовало почти во всех войнах, которые вела Россия. В 1798 г. два полка были в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова. В Отечественную войну 1812 г. Уральские 3-й и 4-й казачьи полки — в составе Дунайской армии адмирала Чичагова, в зарубежных походах — в корпусах генералов Ф. К. Корфа и Д. С. Дохтурова. Казаки участвовали в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и подавлении Польского восстания 1830 г. Во время Крымской войны из Уральского казачьего войска были откомандированы два полка.

Остатки Уральской сотни есаула В. Р. Серова на 25-летие боя под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 г.
Сидорь Горинь, Александр Пуртович, Елисавет Семедович, Михаил Присадинец, Владимир Лазарев, Сергей Савинский,
Иван Чирков, ген. майор Николай Рафайлович Серов, Иван Агапкин, Платон Саврогатин,
Иван Чирков, Александр Чирков, Федор Шаров, Павел Мерзляк, Николай Герасимов,
Артём Кочемасов, Иван Пуртович, Федор Шаров, Павел Мерзляк, Николай Герасимов,
С. Фотур, Григорий, Шабалин.

Уральские казаки регулировали кочевые перемещения через реку Урал и обратно, принимали на себя случавшиеся набеги кокандских, бухарских и хивинских отрядов, участвовали в подавлении периодически поднимавшихся восстаний. Во время среднеазиатских походов уральские казаки были главной кавалерийской силой, до сих пор сохранилось множество песен о взятии Ташкента и Коканда. Одним из самых известных эпизодов в период покорения Коканда является Иканское дело — трехдневное сражение сотни казаков под командованием есаула В. Р. Серова у кишлака Икан недалеко от города Туркестана. Отправленная на разведку уральская сотня встретилась с армией кокандского хана, направлявшегося для взятия Туркестана. Два дня уральцы держали круговую оборону, используя в качестве защиты тела убитых лошадей, а затем, не дождавшись подкрепления, выстроились в каре и пробивались через кокандскую армию, пока не соединились с направленным на выручку отрядом. В бою уральские казаки потеряли более половины людей убитыми, почти все оставшиеся в живых были тяжело ранены. Все они были награждены солдатскими Георгиями, а есаул В. Р. Серов — орденом Святого Георгия 4-го класса.

«У уральцев уникальный характер, центральным качеством которого являлось чувство независимости и гордости. Уральцы по уму — все министры, — отмечал познакомившийся с ними на русско-японской войне генерал К. Н. Хагондоков. — Отдавая приказ, нужно быть очень точным, ибо что-либо недоговоренное или ошибочное будет уральцами немедленно обнаружено».

Оренбургский генерал-губернатор **В. А. Перовский**, возглавлявший хивинскую экспедицию, в составе которой находились 2 полка уральских казаков, отмечал: *«Вот уж чудо-казаки: стужа, бураны для них ничего, больных весьма мало, умерших... нет, пока шли вперед, какая бы ни была погода, распевали удалые песни... работают более, лучше и охотнее всех. Без них плохо было бы всему отряду!»*

Уральские казаки сохранили Древлеправославие

Исторически сложилось так, что во время никоновских реформ Уральское войско имело полную автономию, а также территориально было сильно удалено от Московского царства, вследствие чего нововведения патриарха Никона до берегов Урала так и не дошли, а сами казаки сохранили веру и обряды неизменными, такими, как они были в XIV—XV веках, во время появления первых казаков на берегах Яика. Твердость и упорство уральских бородачей-старообрядцев были наследственными чертами. Казаки оставались верны дониконовским обрядам православной церкви, а военный уклад жизни способствовал защите своих религиозных убеждений.

Все попытки правительственных и церковных властей ввести нововведения Никона в практику богослужений окончились безрезультатно. В XVII и XVIII веках старообрядческие скиты на Иргизе и Яике оставались действующими, тогда как на Дону и Медведице монастыри уже были разгромлены. **Существование старообрядческих скитов на Урале стало возможным благодаря тому, что их упорно отстаивали и защищали яицкие казаки.** Это позволило дать приют староверам, бежавшим с Дона и Медведицы. Казаки ревностно относились к сохранению заведенных порядков, как на службе в войске, так и в соблюдении старообрядческих традиций.

Петер Симон Паллас — ученый-энциклопедист и путешественник, посетивший Яик в 1769 г., заметил, что *«в церковь казаки ходят редко, потому что они старообрядцы, по большей части молятся дома»*. Старания правительства и господствующей церкви ввести новый обряд в уральских церквях казаки восприняли как покушение на их *«казачью вольность»*, что вызвало среди них отказы от выполнения служебных обязанностей по выполнению государевой службы. Так, в 1769 г. несколько сот яицких казаков отказались нести службу в Кизляре, объясняя отказ *«несовместимостью с постоянной дислокацией Яицкого войска»*.

В 1770 г. яицкие казаки не выполнили приказа властей силой возвратить калмыков на Северный Кавказ, откуда они самовольно перекочевали в Среднюю Азию, не выдержав непосильных налогов, взимаемых царскими чиновниками. Калмыков вернули с помощью армейских частей, а 2000 яицких казаков за *«ослушание»* были подвергнуты телесным наказаниям и сосланы, 20 человек приговорены к каторге.

Казачи истово отстаивали свои обычаи

Правительство намеренно придавало вероисповедным делам политическое значение, рассматривая выступления староверов как «хулу против царя и Бога». Сенатор, князь **М. Щербатов**, инспектирующий Яицкое войско после подавления восстания Пугачева, в котором войско участвовало «почти в полном составе», писал о казаках-старообрядцах: *«Везде, где они могут показать свою ненависть против государя и российской церкви, не упускают случая. Свидетельствуют сему бывшие бунты... восстание 1772 г. на Яике, которого града казаки, быв сей ересью заражены, не почли себе преступным делом против законных властей вооружиться»*.

Истово отстаивая свои самобытные обычаи, казаки с презрением относились к боли, физическим страданиям и даже смерти. Казаков легче было уничтожить или переселить, как это не раз происходило в истории Яицкого войска, но перебороть силу старой веры, которой издревле были вооружены их предки, было невозможно.

В яицком войске староверы были решительно на своём месте и в своей среде: здесь не было преследований, свободно крестились двоеперстно, имели старопечатные книги и отправляли по ним службу. Старики-старообрядцы являлись той консервативной силой, которая препятствовала преобразованию хозяйственной и социальной жизни войска.

Фундаментом казачьего староверия были казаки-старики, офицеры и атаманы, урядники и особенно их жёны — главные хранительницы старообрядчества на реке Урал. Этому были свои причины: службу они не несли и из войска не выезжали, отлично владели церковнославянской грамотой, читали много святоотеческих книг, по ним же учили грамоте своих детей, проводили дни в труде и молитве, ожидая со службы своих мужей.

Островок религиозной свободы

Староверие прочно сохранялось в войске благодаря общественному строю, стремившемуся *«во что бы то ни стало поддержать прежнее устройство общины, прежние порядки и обычаи страны, прежний дух казачества»*.

Способствовали сохранению старообрядчества на Яике и некоторые меры со стороны царского правительства и самих самодержавцев. В **1709 г.** после Полтавской битвы, где уральские казаки проявили свой героизм, особым указом **Петра I** им было предоставлено право ношения бороды и оставаться при своей вере. Царь Пётр I оставил всем яицким казакам *«крест и бороду»*, оградив тем самым их от гонений за веру на целый век.

Казаки-разинцы сотники **Самуйло Васильев**, **Исай Воронин** и **Логгин** были военными руководителями знаменитого Соловецкого восстания и вместе с бывшим духовником царя Алексея Михайловича архимандритом **Никонором** стояли до конца, а после предательского взятия монастыря вместе приняли страшные муки. Русской Православной старообрядческой Церковью (РПСЦ) они причислены к лику святых.

Императрица **Екатерина II**, пережив Пугачёвщину, не преследовала за веру яицких (уральских) казаков даже после бунта **1773—1775 гг.**, а в **1795 г.** официально узаконила право уральских казаков употреблять старопечатные книги и старые обряды. Однако издала указ о том, что в целях полного предания забвению Пугачёвского восстания, Яицкое войско

переименовывается в Уральское казачье войско, а Яицкий городок — в Уральск, само же войско утрачивает былую автономию. Во главе уральского казачества были поставлены наказной атаман и войсковое управление.

Сын **Екатерины II** — **Павел**, став императором, создал из уральских казаков лейб-сотню, тем самым выказав им своё доверие и милость.

На самом деле религиозная свобода уральских казаков стала следствием необходимости правительства иметь в их лице надёжную военную силу в районе северного Прикаспия. Первоначально причины появления раскола в войске были те же, что и в других местах России, но впоследствии местные условия придали им ещё и политический характер. Опасаясь, что истинная вера на Яике будет истреблена, а старый вечевой строй казачей общины уничтожен, казаки твердо и энергично отстаивали свои права и привилегии. Искавшие духовной свободы и убежища беглецы-староверы со всех регионов стремились на реку Урал.

В **1868 г.** было введено новое «**Временное положение**», по которому Уральское казачье войско было подчинено наказному атаману вновь образованной Уральской области. Территория Уральского казачьего войска составляла **7,06 млн га** и делилась на **3** отдела (**Уральский, Лбищенский и Гурьевский**) с населением **290 тысяч человек**, в том числе казачьего — **166,4** тысяч человек в **480** населённых пунктах, объединённых в **30** станиц.

В середине прошлого века поголовно все Уральские казаки были старообрядцами, и уральский губернатор **А. Д. Столыпин**, отец знаменитого **П. А. Столыпина**, отмечал единство и упорство в вере Уральских и Оренбургских казаков, сравнивая их за преданность старым русским идеалам с современными ему славянофилами, и даже предлагал митрополиту **Антонию** не проводить увещание раскольников: «*С казаками, Ваше преосвященство, надо быть очень осторожным: гнуть надо, но надо и парить, возбудить пугачевщину очень и очень легко!*»

Тайные монастыри

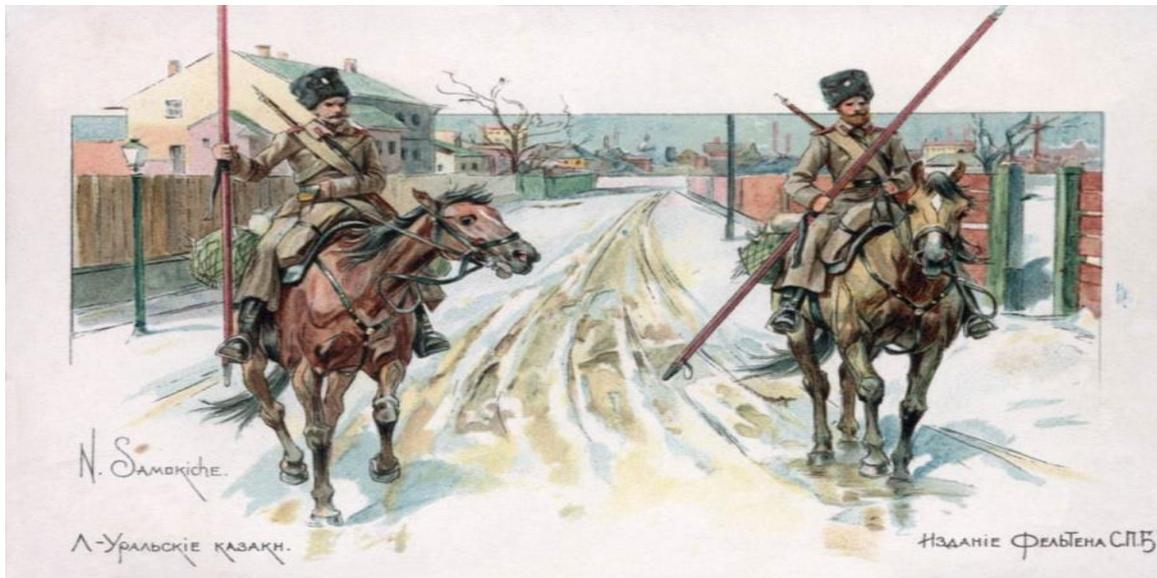
Про отдалённую окраину, окружённую воинственными улусами калмыков и башкир, миссионеры никонианской церкви на время позабыли. Число яицких казаков-старообрядцев на Урале не только сохранялось неизменным, но постоянно росло за счет беглых, искавших и находивших убежище в казачьих станицах. Значительный приток произошел после разгрома Керженских скитов в Нижегородской губернии, старообрядцы из тех мест селились в особой старообрядческой слободе казачьего войска — Шацком монастыре, где молились яицкие казаки.

Тайные старообрядческие монастыри в Уральской области были известны издавна, и против них не раз предпринимались репрессивные меры. Так, в **1741 г.**, в ходе преследований старообрядцев, скрывавшихся на Яике и в Иргизских монастырях, был уничтожен **Шацкий монастырь**. Гонения и пытки не ослабили веру, и во второй половине **XVIII в.** возникают знаменитые Иргизские монастыри, оставившие огромный след в истории всего старообрядчества. С момента возникновения обителей установились активные контакты между ними и старообрядческими центрами Уральского региона.

В **1756 г.** по ходатайству Оренбургского губернатора **И. И. Неплюева**, Военная коллегия приказала «*всякие розыски и преследования раскольников на Яике прекратить*». Пограничное состояние Уральского войска продлилось до середины **XIX в.**, то есть до тех пор, пока Россия не покорила среднеазиатские ханства. В войске был образован Сергиевский скит, ставший основоположником других скитов по реке Урал. Сергиевский скит мог «*своей доходностью перецеголять любой из древнейших православных монастырей в России*» и был «*главным рассадником уральской беглопоповщины*», он также неоднократно подвергался разорениям. В **1830 г.**, вместе с женским Гниловским скитом, он был разрушен, часть иноков и настоятель заточены в монастырь господствующей церкви.

Однако восстановление обителей произошло достаточно быстро, по архивным данным, в **1848 г.** в Гниловском скиту уже имелось **16 келий**, а в Сергиевском — **11**. Это объясняется ещё и тем, что старообрядцами были не только простые казаки, но и уральская аристократия, бороться с которой было не всегда удобно.

В 1848 г. на территории Уральского войска было 7 скитов. Они располагались в непосредственной близости от казачьих поселений, при них имелись 6 молитвенных домов, а также деревянные избы-кели. Самый большой Садовский женский скит состоял из 40 изб и 2 молитвенных домов, Кизлярский — из 20 жилых построек, в остальных было от 10 до 15 келий. Общая численность насельников составляла 151 человек, из них 118 женщин и 33 мужчины, были послушники и послушницы.

Между скитами на территории Уральского казачьего войска была тесная связь. Материалы допросов верующих, схваченных властями по дороге на богомолье, позволяют проследить направление их передвижений, а также примерный путь от начального до конечного пункта. География получается обширной. Духовным центром для казаков-беглопоповцев был Иргиз, от него тянулись связующие нити к скитам расположенным в Уральской области, на западе Уфимской губернии, и далее в Исетский край.

На территории Уральского войска жили староверы всех согласий

В середине XIX в. в Оренбургской и Уфимской губерниях появляется «австрийская вера». В это время в знаменитых скитах Уральской области — Сергиевском и Бударинском — побывал Симбирский архиерей Софроний (Жиров), однако его миссионерство не увенчалось успехом. Новое течение получило широкое распространение среди уральских казаков лишь после посещения их епископом Арсением (Швецовым). В 1898 г. он побывал в станице Рассыпной с миссионерской целью, и «часть раскольников отнеслась к нему сочувственно, и он, отъезжая из Рассыпной станицы, взял с собою казака Назария Никитина Секретова с намерением поставить ... попом».

Разгромы староверческих скитов привели к увеличению численности безпоповских согласий, появлению на Урале «австрийской веры», другая часть перешла в единоверие. На территории Уральского войска существовали различные безпоповские согласия — фодосеевское, поморское, часовенное, странническое. Самоидентификация старообрядцев-безпоповцев всегда оставалась чёткой, они всегда отделяли себя от окружающих по конфессиональному признаку, к примеру говорили: «Мы поморской истинной веры». В целях самосохранения, безпоповские общины были максимально замкнуты, существовала строгая регламентация всех сторон жизни: «Нас называли «чистенькими», потому что мы ото всех отделялись и не мирились никогда».

Кроме того, среди уральского казачества встречались так называемые «никудышники». Это старообрядцы, которые не признали современного священства греко-российской церкви и не присоединились ни к одному из поповских старообрядческих согласий. В начале XX в. в казачьих станицах насчитывалось 769 никудышников.

Подполковник Генерального Штаба, писатель и географ Александр Дмитриевич Рябинин, пользовавшийся отчётами местного начальства, дал исчерпывающую картину религиозной принадлежности уральских казаков. В 1865 г. А. Д. Рябинин был командирован на Урал, он писал: «Христианского вероисповедания три главных вида: православие, единоверие и раскол. Масса русского населения казаков — христиан принадлежит к последним двум видам. Православия же держится весьма незначительная часть его, преимущественно из высшего чиновничьего класса.

Старообрядцы принадлежат к двум раскольничьим толкам: к приемлющим священство и не приемлющим священства. Последняя секта по числу своему совершенно ничтожна».

Однако по мере закрытия старообрядческих скитов и часовен число безпоповцев стало всё больше и больше возрастать.

В **1853** г. с целью ограничения влияния вероучения старообрядцев на других казаков был запрещён приём в Оренбургское казачье войско *«раскольников из податных сословий»*.

В **Уральском** и **Оренбургском** казачьих военных ведомствах к этому времени уже существовала налаженная система контроля над конфессиональной принадлежностью личного состава войск. Ежегодно в губернскую администрацию предоставлялись *«Ведомости о движении раскола»*, где помимо общего числа старообрядцев в казачьем сословии по уездам и отдельным посёлкам приводились статистические сводки об их движении — прибытии и убытии. Выделялись графы, где отмечались естественный прирост и убыль (рождение и смерть), смена религиозных убеждений (переход в старообрядчество или в никонианскую церковь), брак, переселение в другие места (миграции, побеги, высылки в арестантские роты), вновь обнаруженные, не известные ранее властям старообрядцы. Был также раздел с указанием ошибок предыдущих отчётов.

«Ведомости о движении раскола» обладают высокой информативной ценностью, несмотря на то, что сохранились не в полном объёме. Анализ этих документов показывает, что во второй половине XIX в. идёт постепенное увеличение числа старообрядцев. Темпы увеличения невелики, однако отсутствуют и спады, что свидетельствует о стабильном положении уральского старообрядчества. Прирост, помимо естественного фактора, обуславливался переселениями, миссионерской деятельностью старообрядцев, а также обнаружением не зарегистрированных ранее приверженцев старой веры.

В *«Ведомостях»* указывалось и количество заведённых за год следственных дел с перечнем религиозных преступлений казаков. Только в **1848** г. было осуждено *«за вероотступничество — 20 старообрядцев, упорство в некрещении своих детей — 99, за отрицательство от данной подписи, коими обязались состоять в православии — 18, за уклонение из православия в раскол — 290, за неповиновение правительству в принятии единоверческого священника — 2»*.

В 1851 г. под следствием находилось более **540** яицких казаков-старообрядцев. Старообрядцев отсылали в Духовное правление, чтобы там им могли *«сделать об оставлении оногo увещевание»*.

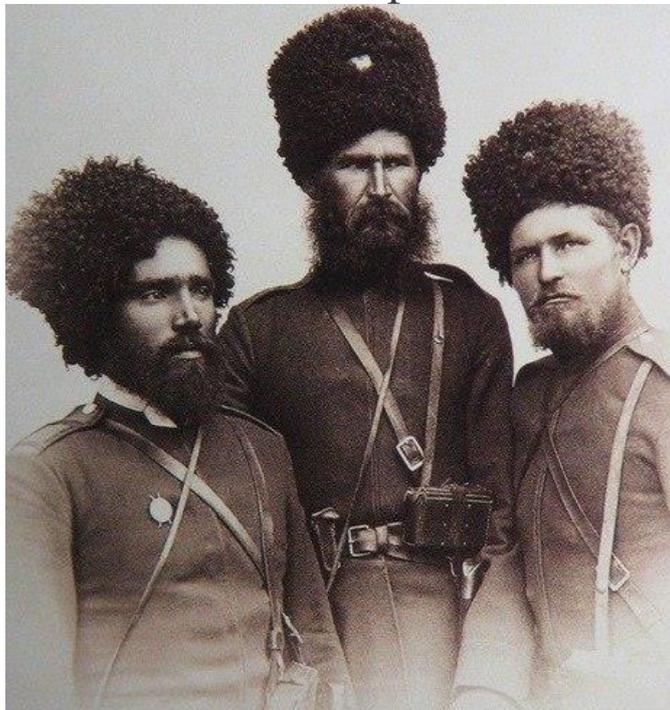
Правительственные указы запрещали строительство старообрядческих моленных зданий, запрещалась и организация моленных в частных домах. Религиозными центрами уральских казаков-старообрядцев были скиты и тайные монастыри, которые с **1745 г.** оказались также под запретом и подвергались постоянным разрушениям. И авторские исторические свидетельства, и более поздние архивные материалы, подтверждают данные о принадлежности яицких казаков к старообрядчеству. В *«Отчёте Оренбургской губернии за 1832 г. по части Департамента полиции исполнительной»* говорилось: *«... казаки Войска Уральского все вообще с жёнами и детьми суть старообрядцы»*. Статистические сводки за **1840 г.** фиксировали наличие более **30 000** старообрядцев в **126** казачьих поселениях Уральской области (станицах, форпостах, умётах и хуторах).

Наибольшее число старообрядцев приходилось на города Уральск — **6465** и Гурьев — **1433**, Сакмарскую станицу — **2275**, форпосты Рубежный — **765**, Генварцовский — **699**, Крупнозерный — **681**, Иртецкий — **561**, Круглый — **405**, крепость Сахарную — **501**.

По данным на **1872 г.**, старообрядцев в Уральском казачьем войске было больше (!), чем приверженцев официального православия — **46347** и **32062** человек соответственно. Оренбургское казачье войско, возникшее значительно позже Уральского, в **1748 г.**, и сформированное в основном из пришлого элемента, было менее однородным в религиозной принадлежности, и старообрядчество не играло в нём доминирующей роли — в том же **1872 г.** здесь на **61177** человек православного населения приходилось всего **8899** староверов.

Отношение казаков к официальной церкви

Сохранился документ, в котором описывается ситуация, ярко иллюстрирующая отношение населения к официальной церкви. Из донесения князя А. А. Путятина Исетскому воеводе Хрущёву следует, что заложенная в **1748 г.** в крепости Челябине каменная церковь «за неудачею к работе людей» даже в **1764 г.**, через 16 лет, не была построена. Причина тому называлась известная: «понеже тамошние казаки, находятся уклонёнными в раскол, то статься может, что они к строению той церкви не усердствуют».

Помимо абсолютного большинства старообрядцев в Уральском войске, уральские казаки были самостоятельны в своих духовных делах от духовного правления в Оренбурге. Такое самоуправление составляло для казаков предмет их особой гордости, оно находило поддержку и в военной коллегии, которой подчинено было казачье войско. Любое покушение на принципы казачьего самоуправления, любые попытки его реорганизовать, встречали отпор всего войска.

Поэтому **12 сентября 1755 г.** последовал указ Синода следующего содержания:

В рассуждение оного в Военной Коллегии представления, в помянутом Яицком войске ныне Духовного Правления не учреждать и назначенных Вашим Преосвященством протопопа, священников и приказных туда не определять, и впредь до рассмотрения в то войско во священство на убылые места по усмотрению Вашего Преосвященства достойных из тамошних по-прежнему производить, дабы оное войско, как означенная Военная Коллегия требует, на прежнем основании остаться могло. И для того, буде до упомянутых к Вашему Преосвященству из того войска взятых и по запрещении в монастыри под начало посланных протопопа и попа, каковых явных церкви святой противностей не находится, — отпустите в то войско по-прежнему.

Указ этот всегда рассматривался казаками как подтверждающий и ограждающий их права и особенности церковного чиноположения и управления. Казачьему войску к этому Указу приходилось прибегать еще не раз, в случаях, когда делались попытки изменить прежнюю церковную практику, за которую они упорно держались.

Победившие в своём упрямстве. Старообрядческий феномен уральских (яицких) казаков. Часть